

КРАСНАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

$\frac{XX}{70}$ ЖУРНАЛ $\frac{802-11}{90}$
 $\frac{7}{7}$

1925

КНИГА
ТРЕТЬЯ
АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КРАТКАЯ НОВЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3

АПРЕЛЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

ххх ххх

О формальном методе в искусстве.

(Стенограмма речи, произнесенной на диспуте «Искусство и революция» 13 марта 1925 года).

Н. Бухарин.

Товарищи! У нас сейчас будет некоторая стычка между представителями двух методов или двух конструктивных принципов познания и анализ искусства, социологического метода и формального. Свое вступительное слово я посвящаю краткой критике этого второго метода или того конструктивного принципа, который носит название формализма. Он здесь представлен Борисом Михайловичем Эйхенбаумом, который будет мне отвечать.

Прежде всего, что такое формальный принцип? Я представляю себе основную аргументацию сторонников формализма в искусстве, в коротких словах, следующим образом.

Возражая против нашего социологического метода, сторонники формального метода говорят:

Вы, социологи, упускаете как раз основную суть проблемы. Конечно, все общественные явления связаны между собой, но для того, чтобы построить науку, для того, чтобы эта наука имела право на свое особое самостоятельное существование, нужно выделить нечто специфическое, нечто особое, то, что отличает данную категорию явлений, данный комплекс явлений от всей действительности, и, выделив это основное, это специфическое, как раз и заниматься тем, в чем это специфическое выражается.

Таков принцип, который выставляют товарищи формалисты. С этой точки зрения они развивают ход своих мыслей. Дальше они говорят: таковым принципом для искусства является принцип формы, для литературы — словесная форма, и, следовательно, то специфическое, то особое, что подлежит изучению, что составляет самую сущность, самую суть науки о литературе — это как раз и есть форма. Между тем, представители социологического метода постоянно выходят за эти пределы, за эти рамки. Настоящая наука о литературе должна рассматривать эволюцию литературных форм. Это и будет то, что требуется. Мы можем взять известный ряд литературных явлений в их специфической характеристике, т.-е. явлений, рассматриваемых с точки зрения их формы. Здесь, само собою разумеется, имеется своя особая закономерность, имеется свой независимый литературный ряд; он-то

составляет объект изучения, он-то и составляет предмет науки о литературе. Все, что сверх этого, то от лукавого. Если этот ряд, специфически литературный, или ряд какого-нибудь другого искусства, или искусство все в целом, сопоставить с каким-нибудь другим рядом, поставить в причинные соотношения, каузальные соотношения, и объяснить одно другим — это будет известное научное грехопадение или, как утверждает Борис Михайлович, здесь наука приносится в жертву метафизическому мировоззрению; совершается метафизическое грехопадение, когда за рамки строгой науки мы переходим в пределы метафизики.

Вот по сути дела логический остов, логический стержень тех рассуждений, которые лежат в основе формального метода; в скобках замечу, что против такого понимания протестует Б. М. Эйхенбаум, но я в его аргументации, т.е. расщеплении между принципом и методом, не вижу достаточных оснований.

Прежде всего я должен сказать, что собственно основная мысль во всем этом построении безусловно является мыслью правильной. Это есть мысль относительно того, что из каждой науки должно выделить и находить то специфическое, что характерно для данного круга явлений. Эта мысль разделяется колоссальным количеством представителей ученого мира и даже не ученого мира. Подавляющее количество людей, которые занимаются вопросами научной методологии, стоят на этой точке зрения. И должен сказать, что мы, марксисты, эту научную предпосылку точно так же всецело разделяем. Например, мы протестуем против того, чтобы общество рассматривали исключительно с биологической точки зрения, только как организм, и больше ничего. Мы считаем, что различные виды явлений, несмотря на то, что, согласно нашим материалистическим воззрениям, все они могут быть сведены на химико-физические процессы, все же качественно отличаются друг от друга, и в этой качественной характеристике различных рядов явлений мы имеем нечто отличное, специфическое, своеобразное. Здесь та грань, где одна наука отличается от другой. Мы эту предпосылку целиком разделяем. В ней ничего нет нового. Больше того, мне представляется, что ни одна из школ и из научных направлений, которые сейчас выступают, так решительно и резко не подчеркивают этого принципа буквально во всех областях человеческого знания, как именно марксизм. Я приведу пример из области общественных наук. Вы отлично, вероятно, знаете, в особенности наша учащаяся молодежь, которая находится под подавляющим влиянием марксистской идеологии, что даже в пределах одного общественного ряда характерным для марксизма было как раз положение, обоснованное Марксом в первом томе «Капитала», отделяющее марксистскую общественную науку от всех других наук. Маркс в первом томе «Капитала» выставил положение, что нет абстрактных законов, а есть законы, собственные каждой данной конкретной форме развития общественного организма, что законы капиталистического строя есть законы *sui generis*, т.е. такие, которые не представляют из себя действующего фактора для другой структуры: наряду с абстрактными законами центр марксистского мышления сосредоточивается на

том особенном, специфическом общественном, индивидуальном, если можно так выразиться, что характерно для некоторого конкретного порядка общества, для некоторого конкретного строя. Больше того, когда я привожу пример из области общественной науки, где марксистская методология наиболее ясно видна, это нисколько не противоречит тому, что мы говорим об искусстве, потому что искусство есть явление общественное и никакое другое. Я беру еще один пример. Когда мы анализируем империализм, мы берем специфическую полосу, и мы говорим, что нельзя объяснить империалистическую эпоху капиталистической системой в целом. Нужно искать здесь особое, специфическое, так что у нас этот принцип проведен с величайшей последовательностью. Мы сторонники диалектики, т.-е. того взгляда, при котором, несмотря на единство всех явлений, мы имеем постоянное обогащение ряда, нарастание количества моментов, и анализ этого ряда в его изменении есть неперенное качество всякого революционного диалектика, так что эта предпосылка, которую Б. М. Эйхенбауму угодно назвать конструктивистским принципом — в данном случае, это безразлично — эта предпосылка целиком, до конца, разделяется нами, при чем мы открыли ее гораздо раньше, и даже мы не открыли, а восприняли и, как никто, последовательно проводим ее во всех решительно изысканиях.

Но вот ряд совершенно других вопросов, и здесь появляется целый ряд сомнений, и даже не сомнений, а решительных возражений — это когда речь идет о другой составной логической части той системы, которая преподносится нам со стороны сторонников формального метода. Другое основное положение заключается в том, что нельзя выходить за пределы данного специфического ряда, чтобы его объяснить. Если мы берем за основной признак форму литературных произведений или форму другого искусства, как принцип данного ряда явлений, то нельзя выползать для объяснения этого ряда явлений за этот ряд. Нельзя выскакивать за этот ряд. Это будет метафизика, мировоззрение, сопровождаемое саркастическими кавычками, или соответствующими знаками удивления и вопрошания, это есть нечто ненаучное. Это положение уже вызывает у нас не только сомнения, но и самый категорический и самый решительный протест. Я постараюсь показать здесь, что в этом положении мы как раз имеем прежде всего утверждение отнюдь не новое, отнюдь не революционное, хотя бы даже и в области литературы, а очень почтенного, очень старого возраста и абсолютно научно неплотворное, т.-е. такое, которое мешает научному исследованию явлений и отнюдь никак его не форсирует.

Прежде всего вопрос — является ли эта постановка вопроса специфической для искусства, в частности для литературы, или нет? Конечно, она ни капли не является специфической, эта постановка очень стародавняя и ее — я повторю — разделяют очень почтенные личности, такие почтенные личности, которые являются сейчас также анахронизмом в научном смысле слова, как целый ряд других совершенно устаревших людей. Я приведу пример из другой области, не из области искусства, где эта точка

зрения была классической, где эта точка зрения и сейчас является таковой, является мнением всего так называемого образованного общества. Это есть область права. Как рассуждают, как протестуют против марксистской теории права теоретики права, в подавляющем большинстве? Они рассуждают: право есть нечто специфическое. Предположим — они определили право, как систему норм, исходящих от существующей власти. Можно и по-другому определить. Это неважно. Но такие теоретики права — такие же формалисты, каким является Эйхенбаум в области искусства литературы в частности. Они рассуждают так же, как он. Они утверждают: нужно выделить специфическую природу права, а дальше: нужно обследовать сцепление этих отдельных звеньев юридических норм в их развитии и в этом юридическом ряду. Если мы обследуем только этот юридический ряд — мы настоящие ученые, настоящие юристы. Если мы в этом канале, которым мы себя загородили, в этом коридоре смело маршируем по юридическому ковру или по юридическим досочкам, мы всегда прекрасно поймем правовые явления в их специфической сущности. Но стоит нам на одну минуту выбежать из этого коридора и закричать: «караул, здесь душно», мы тотчас же совершаем юридическое грехопадение.

Могу выставить здесь и другую область. Религия имеет свою внутреннюю логику, безусловно. Мы можем, конечно, выстроить различные религиозные системы в один ряд, за один долгий период. Мы можем показать, как одна какая-либо религиозная система постоянно трансформируется, накапливает новые черты, превращается в другую религиозную систему, затем совершает какое-нибудь соскальзывание, затем снова превращается в какую-то другую форму. Такой ряд может быть более непрерывным, менее прерывистым, может идти совершенно прямо, может идти в виде кривой, зигзагообразно — в данном случае это неважно, — но такой ряд мы представить можем. Будет ли в нем своя закономерность и своя внутренняя логика? Безусловно, в нем будет и своя закономерность и своя логика. Будет ли здесь то, что мы выделяем в специфический ряд? Тоже будет. Но если перед нами появятся противники, которые скажут: все-таки тот, кто из области религиозной системы выпрыгивает для ее объяснения, для ее понимания за пределы религиозного ряда, — совершает грехопадение, не скажете ли вы, что так рассуждает поп, но так не рассуждают ученые? Попы именно так рассуждают. Разве можно, по их мнению, привлечь для объяснения божественной сущности религии какую-нибудь форму нерелигиозного содержания? Никак нельзя. Это посягательство на священную сущность религиозной системы, это есть грех против духа божьего, который не терпит, чтобы на него земной ручкой замахивались. Эта точка зрения поповская.

Если мы берем анализ юридических норм, то это есть точка зрения юридических кретинов, точка зрения, которая никуда не годится. Почему она никуда не годится? Да потому, что мы никогда не поймем этого явления, если будет так оперировать. Сумеем ли мы создать себе научное представление о религии, если мы будем вертеться только в одной области религии, а не будем ставить вопроса о соотношении этого специфического ряда с другим

рядом? Никак нет. Мы будем знать сколько херувимов, сколько серафимов, архангелов и т. д. и проч. Это мы будем прекрасно знать. У нас будет целый ряд прекрасных каталогов этих вещей, которые мы будем продавать, список составит колоссальный, и это будет очень полезно, очень интересно до известной степени, потому что научная методология предполагает очень хорошую статистику. То же самое и здесь. Хорошее конкретное изучение и составление таких списков есть вещь чрезвычайно полезная, и спасибо тем, которые занимаются, подобно трудолюбивым муравьям, собиранием такого материала. Но когда ставится вопрос, что к чему, т. е. когда нужно понять явление во всей его сложности, то тут — извините, — тут можно задохнуться в этом проклятом одном ряду, прыгай лишь в этом ряду, из которого не выскочишь, а если не выскочишь, то не поймешь, ибо понять какое-нибудь одно явление можно только в том случае, если его сопоставить с явлениями, которые находятся в связи с этим явлением. В этом заключается понимание всех явлений в целом. Нельзя понять никакого явления, если вы не будете его сопоставлять, координировать и связывать с причиной. Словом, не только сторонники каузального метода, но и сторонники функционального и каузального методов считали, что объяснить явление — это значит поставить его в связь с другими явлениями. Я сам был на юридическом факультете и решал всякого рода казусы из области юридического права. Никто не может сказать, что можно что-нибудь понять из области римского права, если не привлечь к делу развитие частной собственности и целый ряд других институтов, которые нашли свое юридическое выражение в нормах и в системах норм юридического права. Рецептацию римского права нельзя понять без этого. Я приведу еще один пример гораздо более решительный и более вызывающий к чувствам современности. Скажем, мы хотим понять государственные формы. Мы можем построить при этом такой ряд, начиная от государства какого-нибудь Сарданапала и кончая Советской властью. Можем ли мы выстроить все государственные системы в один ряд, вытянув их в одну веревку? Правда, не без некоторого натяжения, потому что были переломы, но все-таки можно все государственные формы вытянуть в одну веревочку и сказать: в ней ничего не поймет тот, кто вылезет за ее пределы и будет апеллировать к классовой борьбе и др., такой будет метафизик. На деле же совершенно наоборот: никогда нельзя ничего понять, если будете двигаться в одном ряду. Никогда вы не поймете, что такое Советская власть по отношению к буржуазной демократии или к государству Сарданапала и что такое наш трудовой кодекс в сравнении с кодексом вавилонского царя, если вы не будете при этом искать совершенно определенного материального субстрата. Отсюда вытекает с очевидностью полнейшая нелюдотворность такого конструктивного принципа, никуда он не годится, он стар, покрыт пылью, он обветшал, ему тысяча лет, и теперь этот принцип предлагают, выдвигая его в другой области, за новейшее открытие, но так как совершенно естественно, что у людей очень короткая память и так как не все знают об этих вещах, то естественно, что теперь начинается ренессанс этого метода в других областях, где он еще недоста-

точно дискредитирован и вышиблен. Его начинают обходить с тыла и заявляют претензии на его новизну. Но это никуда не годится, повторяю я.

Вообще говоря, и каталоги на что-нибудь полезны; это есть известная аналитическая работа, которая необходима для дальнейшего построения теоретических систем в одно целое, а синтез всегда предполагает анализ. Например, если вы хотите построить учение об обществе, то вы сперва изучаете одну сторону этого общества, затем ряд второй, третий ряд и т. д. Это есть материал для научного построения, которое вы приведете в связь и получите теоретическую систему. Что делают представители формального метода? Они производят аналитическую работу, которая, как таковая, как известная предварительная стадия для построения определенной теории, для будущего синтеза, вполне приемлема, и здесь можно поставить плюс. Но дело в том, что эта аналитическая работа выдает себя за новейшую теорию, т. е. претендует на то знание, которого она заранее не может иметь. Она представляет себя в качестве синтетического построения. Такие явления в других областях есть также, например, в области науки, с которой я наиболее знаком, — это в области политической экономии; там есть точно такая же точка зрения, ее представляет Струве. Он говорит, точь-в-точь, как Эйхенбаум, что вообще это — метафизика развивать всякие теории ценностей, а политическая экономия должна быть построена на бухгалтерских принципах. Вот что есть настоящая политическая экономия. В чем же здесь ошибка? Совершенно правильно, бухгалтерия, статистика и всякие подсчеты есть чрезвычайно полезная и очень почтенная вещь в своем роде, это очень прекрасный подступ для дальнейших построений, но это есть величайший декаданс взять и считать эту бухгалтерию за теоретическую концепцию, которая должна быть построена путем восхождения на дальнейшую ступень, т. е. путем обобщения того, что здесь дано в аналитической форме.

Можно сказать и по-другому то, что я говорю. Эйхенбаум утверждает, что всякое выхождение за этот ряд, который является специфическим рядом, есть ряд метафизики. Но это неверно. Как раз верно обратное, т. е. точка зрения Эйхенбаума и есть специфическая метафизика. Почему? По очень простой причине. Потому, что один ряд общественных явлений, скажем, искусство, он возводит в субстанцию. То, что имеет определенное жизненное значение, совершенно определенные функции, то, что составляет определенное целое, имеет известную цель, имеет живые черты, — то выделяется в качестве самостоятельного, независимого ряда. Это — настоящая метафизика, потому что здесь з а в и с и м ы й ряд представляется, как субстанция, подлежащая законам своего собственного развития, которую понять можно только не выходя за пределы этой божественной сути, представляющей из себя самодовлеющее, в себе замкнутое единство. Метафизика и заключается в том, что стараются строить сущность из того, что не является сущностью. Но как вы должны действовать, чтобы понять какое-нибудь общественное явление, а никто не будет спорить, что искусство тоже не есть явление вообще, какое-то абстрактное явление, а есть явление общественное? Нужно выделить особые признаки, понять их в их особенности, собрать совершенно определенный

материал, установить особую логику и потом привести в связь с целым. Это и есть понять. Если вы этого не сделаете, вы этого не поймете. К сожалению я совершенно не знаю таких работ Бориса Михайловича Эйхенбаума или кого-нибудь другого — может быть, по своей неначитанности в этой области, — где они бы посчитались с такими вещами, как монографическая наука, или подвели бы большой теоретический базис под свои построения. Не знаю, может быть, и есть такие работы.

Общий ход моих возражений против теоретических конструкций, которые называются формальным методом, такой: правильно, что выделяется специфическое для искусства, неправильно, что нужно двигаться в одном ряду. Наоборот, только тогда можно понять это специфическое явление, если привести его в связи с не специфическим. Вот заостренная формулировка, которой я закрепляю или подвожу итог этой части возражений.

Теперь я перехожу к другой части.

В качестве специфического сторонника формального метода или формального принципа — я извиняюсь за эти оговорки, потому что я не вижу в этом тонком разграничении—метод или принцип—особой принципиальности и особого смысла для той постановки вопроса, которую я делаю, — итак, в качестве специфического признака искусства они выставляют форму, а я утверждаю, что это не форма, потому что совершенно непонятно, почему форма есть специфический признак искусства. Форма есть категория, которая свойственна целому ряду вещей. А для философии форма неважна? Конечно, важна. Для какого угодно построения чисто интеллектуального типа форма неважна? Важна. А есть здесь нечто сходное? Есть, потому что мы можем говорить относительно общности какого-нибудь логического построения. Организующие принципы есть здесь? Есть. Я считаю, что с этим понятием формы, которая не противопоставляется у формалистов содержанию, как они ни разграничивают, здесь начинается область тумана. Я говорю, что это — понятие, значимое для целого ряда других категорий. Они зато пропускают по-моему то, что является гораздо более существенным для этого ряда, для искусства. Именно то, что здесь организуемым материалом является чувственный элемент в противоположность условному интеллектуальному. Это совершенно упускается. А это есть основное. Вы можете брать какой угодно ряд искусства и какой угодно вид искусства и всегда увидите, что материал организуется в данную форму. Я сейчас подчеркиваю всю условность обозначения и различия между формой и содержанием. Существенным для искусства является эмоциональный характер материала, а где это сказано у формалистов, где это выдвинуто у них в качестве конструктивного признака? Что следует за этим? А за этим следует дальнейшее развитие ошибок, которые отсюда вытекают, потому что если бы выдвинули этот элемент, — а конструктивный признак искусства с этим элементом совпадает, — то совершенно естественно, сейчас же дается его зависимость от другого ряда явлений, от общественной психологии, от общественной идеологии, от чего искусства нельзя оторвать, это совершенно ясно видимо. Но рассмотрим этот самый основной признак, который действительно отли-

чает искусство как специфическую категорию от всех других рядов общественных явлений. Специфическое здесь как раз улетучивается, а не специфическое выводится в качестве специфического. То, что в действительности и объективно представляет из себя категорию, свойственную целому ряду общественных явлений и даже не только общественных, это выделяется в качестве особого признака, а то, что действительно является специфическим признаком этого ряда общественных явлений, эмоциональный ряд, это улетучивается, т.е. мы имеем совершенно неправильную, извращенную характеристику: выделяется не то, что должно быть выделенным. Методологическое правило номер первый, то требование, которое выставляется Борисом Михайловичем, выделить специфическое — оно правильно, абстрактно говоря, но оно неправильно разрешается конструктивным теоретическим построением.

Второе замечание, которое делалось неоднократно, касается соотношения между так называемой формой и так называемым содержанием. Этот вопрос не разработан. Если бы он был разработан, как следует, тогда, совершенно естественно, пришлось бы опять выскочить из этого узкого коридорчика, выскочить за пределы этого узкого построения, которое дается в теории сторонников формального метода. Можно сказать таким образом: Б. М. Эйхенбаум в одном месте, не помню где, говорит, что всякая другая постановка вопроса неизбежно является схоластикой. Мне кажется, что формальный метод является как раз классическим образцом схоластического построения. Характеристика этого принципа как схоластического лежит параллельно с его характеристикой как принципа метафизического. Почему? Да по очень простой причине. По-настоящему диалектическое понимание такого явления, как искусство, есть понимание в его жизненной функции. Те, кто не понимает жизненной функции какого-нибудь явления, обязательно схоластики, фетишисты и метафизики. Вы можете выделить какое угодно явление из области общественной жизни, какой угодно кусок или ряд, но если в этом куске, в этом явлении или в комплексе явлений вы не увидите его жизненной функции, т.е. если вы не будете рассматривать его, как некоторую органическую часть общественного целого, если не будете рассматривать его с точки зрения функции этого общественного целого, то вы тогда никогда этих явлений не поймете. Я говорил о праве. Я вернулся к этому с другого конца, потому что он является, пожалуй, еще более классическим. Это вопрос о морали, или этике. Вы можете выделить эти вопросы в один ряд, но если вы попытаетесь понять этику не в связи с общественным целым, разве вы не будете самым подлинным метафизиком, или разве не будет это в лучшем случае простой этический фетишизм? Наилучшее классическое выражение этого случая заключается в категорическом императиве Канта. Как можно понять этику действительно, по-настоящему научно? Только тогда, если вы сдерете с нее ее фетишистскую шкуру, если покажете ее и рассмотрите с точки зрения функционально-общественного значения. Только там это есть живая часть целого. И когда вы хотите понять часть целого, то вы не поймете ее без целого, не поймете без предварительного анализа и тем

более не поймете этого целого без последовательного синтеза. Вы не поймете никакой частицы, не выделив ее особые признаки, но вы не поймете ее, если не поставите в связи со всем комплексом остальных явлений. И когда нам говорят: первый шаг вы можете сделать, а второй не смеее, то нас тащат назад, а мы не хотим назад, потому что хотим идти вперед.

Должен в заключении остановиться на вопросе, что представляет собой формальный метод, если мы, выходя за его пределы, постараемся объяснить этот метод с точки зрения общественно-функционального смысла. Прежде всего, такие рассуждения, как различие между формальным искусством и не формальным, я, по правде сказать, считаю ерундой. Формального искусства, как такового, в котором нет никакого содержания, и чистого искусства, которое не было бы известной общественной функцией, не бывает. Это только условное обозначение, потому что само чистое искусство есть рефлекс определенной группы, определенных условий. Постановка вопроса формалистами, это есть узкая точка зрения специалиста своего цеха, это есть теория цеховых ученых, а не настоящих ученых, потому что они не в состоянии выгнать за рамки своего цеха, они видят только свой цех. Когда я говорил об юристах или богословах и приводил между ними параллель и между представителями формального метода, то эта параллель идет как раз по этой цеховой линии. Если мы имеем какого-нибудь специалиста юриста, то ему, конечно, с высокого дерева решительно наплевать, что существуют какие-то классы, что существует экономика, что существуют еще другие различные вещи и проч. Он подходит к этой проблеме со всеми шорами так наз. ученого, на самом деле с ограниченной точки зрения узкого цеховика. Ни один крупный, действительно выдающийся ум, который продвинул науку вперед, никогда на этой точке зрения не стоял. Наоборот, все наиболее плодотворные сдвиги в области развития науки всегда характеризовались тем, что люди выходили за пределы своего цеха, оплодотворяя своим влиянием другие области. Теперешняя наука находится в состоянии кризиса. Это совершенно ясно, и это уже начинают выражать членораздельно и об этом уже пишут, и этот кризис состоит в том, что очень многие, как раз наиболее крупные умы, приходят к такому заключению, что наука зашла в тупик. В какой тупик? В тупик специальных разработок и невозможности найти на этом пути обобщающую синтетическую точку зрения. Мы увидим дальше, что в странах, особенно в тех, которые были больше всего потрясены войной, наблюдается громадное увлечение так наз. оккультными науками. Почему? Потому, что это есть суррогат единого целого, суррогат синтеза, которого они не могут найти в рамках положительного мышления. Эти поиски синтеза, поиски сведения конца с концами, связи между различными научными отраслями, являются стержнем современных научных изысканий. А что делают формалисты? Они от этой дороги отводят нас назад. Если бы нам сказали: мы делаем предварительную известную разработку вопросов и на большее не претендуем, то тогда можно было бы их на это благословить. Тут мне скажут впоследствии, что это — первая уступка, как Б. М. Эйхенбаум писал в ответ на возражения тов. Троцкого, несколько иного типа. Он писал: вот

делается первая уступка нам. Это напоминает мне один полуанекдотический случай из моей жизни, когда я в споре в тюрьме с одним эсером сказал, что по марксистскому учению вовсе не обязательно, чтобы все крестьяне исчезли. Он ответил: «первая уступка». Примерно, в таком положении находится и тов. Троцкий. Но никакой уступки тут нет. Как первый шаг, формальный анализ ценен, но это не первая и не вторая уступка. Если мы признаем такой элементарный факт, то это не спасет от краха всю концепцию. Каталог есть каталог и будет очень ценным, если вы выпишете имена некоторых английских ученых за 4 столетия, это будет очень ценный материал, но если вы этот список будете называть настоящей наукой, то это уж, извините, науку нельзя превращать в каталог.

Точка зрения формалистов — устаревшая, схоластическая, метафизическая, а так как мы живем во время, которое требует полезных знаний мы не можем удовлетвориться суррогатом познания. Мы живем в эпоху, когда нетерпимы всякие цеховые точки зрения; более чем в какую-либо другую эпоху, в нашу эпоху, когда разрушается одно и строится другое, каждая величина должна быть рассматриваема с точки зрения своего общественно-функционального смысла. Это есть единственная правильная точка зрения, которая имеет глубочайший общественный базис. С этой теоретической точки зрения и с точки зрения правящего нашего класса мы можем признать, что свою служебную второстепенную роль формальный принцип играет, но мы не должны отступать от проверенного, проверенного действительно, действительно революционного и действительно плодотворного метода, который был в основных своих линиях начертан Марксом.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>А. Караваева. Медвежатное. Повесть</i>	3
<i>Ф. Гладков. Цемент. Роман (продолжение)</i>	47
<i>Арт. Веселый. Стужа родная. Из романа</i>	82
<i>Вл. Лидин. Угги. Рассказ</i>	104
<i>Бор. Пильняк. Гибель „Свердрупз“. (Глава из пов. „Заволочье“)</i>	113
<i>И. Бабель. Из дневника</i>	125
<i>СТИХИ: С. Есенина, И. Сельвинского, Д. Багрицкого, Д. Семеновского, Н. Колоколова, Д. Алтаузена, О. Колычева</i>	132
<i>Д. Сверчков. А. Ф. Кердский (окончание)</i>	145
<i>Н. Осинский. Мировой сельскохозяй. кризис — приостановка или перелом</i>	167
<i>Г. Яковин. Политика как наука</i>	201
<i>П. Ю. Шмидт. Ритм жизни и творчество</i>	216

За рубежом

<i>М. Танин. Франция и Америка</i>	228
------------------------------------	-----

От земли и городов

<i>А. Зорич. Во тьме</i>	240
--------------------------	-----

Литературные края

<i>Н. Бухарин. О формальном методе в искусстве</i>	248
<i>А. Лежнев. О группе пролет. писателей „Перевал“</i>	258
<i>П. Марков. Современные вктеры: М. А. Четов</i>	267
<i>В. Полянский. „Железный по.ок“ Серафимовича</i>	275

Библиография

<i>Рецензии: К. Зелинского, В. Правдухина, А. Лежнева, Ф. Жица, И. Бра- славского, М. Косвена</i>	286
---	-----

Объявления